

Сунь Цинфэн густо покраснел. Расплатившись, он на одном дыхании отмахал добрую сотню метров и лишь тогда позволил себе замедлить шаг.

— Гляди, братец, тигрёнок! — воскликнул Цзинь Линьэр и, словно натягивая поводья, бесцеремонно ухватил Сунь Цинфэна за уши, заставляя остановиться.

Сунь Цинфэн даже не взглянул на игрушку. Он молча выудил из кошель обрубков серебра, припечатал его к прилавку и лишь после этого разрешил мальчишке взять облюбованную безделушку.

На прилавке теснились крошечные расписные фигурки из обожжённой глины: тигры, фазаны, павлины... Все диковинно раскрашены по чёрной грунтовке. Они были миниатюрными, но на редкость искусными — мастер тщательно вывел и глаза, и уши, и тонкие клювы с пастями.

— Глиняные свистки! — радушно зазывал лавочник. — Забава превеликая, молодой господин! У тигрёнка на брюшке дырочки — зажмёшь, и целых семь нот высвистать можно. Попроси старшего брата, пусть побалует тебя!

Цзинь Линьэр бережно взял глиняного тигра, перевернул, отыскал отверстие на брюшке и, набрав в грудь побольше воздуха, дунул изо всех сил. Раздался такой истошный свист, что у окружающих едва не лопнули барабанные перепонки.

— Беру! — в полном восторге завопил мальчишка. — Буду по утрам будить тебя, братец! — Он обернулся к торговцу: — Дедушка, а котята у тебя есть?

— Ещё чего выдумал! — буркнул Сунь Цинфэн.

Вывхватив свистульку из рук мелкого проказника, он шмякнул её обратно на стол и, поспешно схватив Цзинь Линьэра в охапку, припустил прочь. О сдаче с серебряного обрубка он даже не вспомнил.

Так они и брели вдоль лавок, глаза по сторонам, пока незаметно не пробил час Свиньи.

Улицы понемногу пустели, шумная толпа редела, и дышать стало свободнее.

Цзинь Линьэр заметил впереди доску для указов и потянул Сунь Цинфэна за рукав:

— Слушай, тебе не кажется, что лица на этих двух листах нам до боли знакомы?

Сунь Цинфэн подошёл и одним движением сорвал объявления:

— Какое там «кажется»! Это мы и есть. Чанъань — перекрёсток всех дорог империи. Раз уж мы сюда добрались, глупо было надеяться, что императорские ищейки нас не опередят.

— Сунь Фэн, Сунь Линь, Цзинь Линьэр, Сунь Цинфэн... — прочитал по складам Цзинь Линьэр.
— Имена-то наши, спору нет. Но если приглядеться, портреты совсем не похожи. Этот тип на бумаге куда уродливее тебя, да ещё и со шрамом во всю правую щёку. А уж меня как намалевали! Чистый бес — даже клыки изо рта торчат.

— Стоит кому-то одному решить, что сходство есть, и нам конец, — отрезал Сунь Цинфэн.

Поглощённый тревожными мыслями, он резко развернулся, увлекая мальчишку за собой, и налетел на какую-то женщину, тоже разглядывавшую доску. Незнакомка охнула и повалилась на мостовую. Сунь Цинфэн порывисто, одной рукой, вздёнул её на ноги, буркнул короткое «виноват» и поспешил скрыться в темноте переулка.

В постоянный двор они возвращаться не спешили. Сперва Сунь Цинфэн сделал крюк обратно к ночным рядам, где наспех приобрёл сухие краски-пигменты и несколько лоскутов тончайшей свиной кожи.

Цзинь Линьэр, почуяв неладное, притих и больше не приставал с расспросами.

Оказавшись в комнате, Сунь Цинфэн запер дверь, занавесил окна и разложил на столе покупки. Обмакнув кисть в разведённую краску, он аккуратно усыпал щёки и нос Цзинь Линьэра тёмными точками, превратив смазливое личико в рябое. Затем, вооружившись ножницами и иглой, принялся кроить и сшивать свиную кожу, мастера две фальшивые личины.

Из-за вечерней суматохи и внезапного известия о розыске сон к Цзинь Линьэру не шёл. Мальчишка ворочался с боку на бок на жёсткой постели, таращась в темноту и прокручивая в голове всё случившееся.

Сунь Цинфэн закончил работу, убрал обрезки, задул свечу и тяжело повалился на соседнюю циновку. Накрыв глаза расшалившемуся найдёнышу широкой ладонью, он скомандовал:

— Спать. На рассвете уходим.

— Братец, — Цзинь Линьэр шумно втянул носом воздух, — ты ведь давеча ту девицу поддержал? У тебя руки до сих пор пахнут. Так сладко...

Сунь Цинфэн мгновенно отдёрнул руку, словно обжёгся.

— Живо спать, не то выставлю за дверь — будешь до утра ледяной статуей на крыльце стоять.

— Это драконья амбра, — упрямо прошептал мальчишка.

Вместо ответа Сунь Цинфэн просто зажал ему рот ладонью, пресекая любые дальнейшие разговоры.

Проснулся Цзинь Линьэр ни свет ни заря. Стоило ему приоткрыть глаза, как он обнаружил прямо у своего изголовья глиняную чёрную кошку с непропорционально большой головой. Это была свистулька.

Он сразу понял: пока он спал без задних ног, Сунь Цинфэн тайком ускользнул на рынок и разыскал-таки ту самую игрушку.

— Фью-ю-уть!

Мальчишка довольно прищурился и изо всей силы дунул в глиняный свисток.

Сунь Цинфэн подскочил как ужаленный. В мгновение ока он заслонил собой Цзинь Линьэра, выхватил меч и направил остриё на дверь.

— Что случилось?! — рявкнул он.

Мальчик так и покатился со смеху, колотя кулаками по подушке.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась от сильного удара ноги. Сунь Цинфэн едва успел спрятать клинок за спину.

В комнату, не церемонясь, вошли двое стражников. Следом за ними робко семенил трактирщик.

Окинув беглым взглядом постояльцев, старший из служивых повернулся к хозяину:

— Это они, что ли?

Трактирщик трусливо прятался за косяком, высунув лишь кончик носа, и часто-часто кивал:

— Да-да, господин начальник! Платят не считая, серебром швыряются... Наверняка прихвостни Дьявольского культа, не иначе!

У двери крутился один из трактирных слуг. Сунув нос в проём и быстро оглядев комнату, он тут же бесшумно скрылся.

Стражники уже положили ладони на эфесы, обнажив сталь наполовину.

Однако их старший оказался человеком тёртым и рассудительным. Он не спешил махать клинком, а сначала выудил из-за пазухи свиток розыскного листа. Сравнив грубые наброски с лицами постояльцев, он нахмурился, явно в сомнении, и поманил пальцем притихшего Цзинь Линьэра:

— Эй, малец, шагни-ка сюда. Дай поглядеть на тебя поближе.

— Всё хорошо, братец, не бойся, — шепнул Цзинь Линьэр, незаметно коснувшись напряжённой руки Сунь Цинфэна, лежавшей на рукояти меча.

Выйдя вперёд, мальчик нацепил самую невинную и лучезарную улыбку, на какую был способен:

— Дяденьки стражники, мы с братом честные люди. Вы нас наверняка с кем-то перепутали! — Говорил он с такой подкупающей искренностью, что заподозрить его во лжи было решительно невозможно.

Старший патрульный бесцеремонно схватил мальчишку за подбородок, заставляя закинуть голову.

И хотя физиономия паренька была густо усыпана свежими «веснушками», его кроткий нрав и чистый, невинный взор выдавали в нём славного, бесхитростного ребёнка.

На розыскном же листе красовалась угрюмая рожа со злобным прищуром, косыми бровями и торчащими изо рта клыками. Одно выражение этого лица вопило о том, что перед ними — отпетый разбойник.

За долгие годы службы стражник повидал немало душегубов и научился безошибочно отличать волков от овец. Рассудив, что столь кроткое дитя никак не может принадлежать к свирепому Дьявольскому культу, он разжал пальцы и сухо обронил:

— Не тот. Сходства нет.

Цзинь Линьэр поспешил вернуться под крыло Сунь Цинфэна. Схватив того за ладонь, он легонько сжал её — раз, другой, призывая хранить спокойствие и не выказывать волнения.

Пальцы у служивого были точно железные тиски — на бледной детской щеке проступили три отчётливых багровых пятна.

Сунь Цинфэн едва заметно кивнул. Поймав на себе изучающий взгляд стражника, он заставил

себя расслабить плечи и с мягкой, заботливой улыбкой потянулся к лицу названного брата, бережно растирая покрасневшую кожу.

Цзинь Линьэр отродясь не видел у Сунь Цинфэна такого тёплого, нежного взгляда. И пусть эта ласка была лишь притворством ради спасения шкуры, сердце мальчишки сладко заняло от восторга. Ему почудилось, будто в груди разом растаяли все зимние снега, и тёплый весенний ветер за одну ночь пробудил к жизни тысячи прекрасных бутонов.

Однако самому Сунь Цинфэну было не до нежностей. Убрав руку от лица побратима, он похолодел: подушечки его пальцев слегка почернели. Саж, которой он наносил «рябины», начала безбожно размазываться.

"Только не поднимай голову", — мысленно взмолился Сунь Цинфэн, чувствуя, как внутри всё сжимается от дурного предчувствия.

— Этот господин держится с благородным достоинством, а на листе намалёван какой-то головорез, — рассудил тем временем вожак стражников, аккуратно сворачивая указ. Он махнул подчинённым, призывая убрать оружие. — Хозяин, за бдительность спасибо. Пусть на сей раз вышла промашка, но осторожность лишней не бывает. Твой трактир у всех на виду, так что гляди в оба и дальше.

Облегчённо переведя дух, Сунь Цинфэн и Цзинь Линьэр двинулись следом за патрульными, провожая их к выходу.

— Господа служивые, стойте! Мы тут люди пугливые, зря вас потревожили, прямо не знаем, куда деваться от стыда!

Говорил тот самый трактирный малый, что прежде косился на беглецов свысока.

Сначала он опасался, что богатые постояльцы припомнят ему былую спесь и заставят пресмыкаться, но те за две недели ни разу не высказали недовольства. Напротив, они щедро осыпали его чаевыми и держались на равных. В его глазах они были редкой души людьми.

Он и не подозревал, что хозяин тайно донёс на гостей, а когда нагрянула стража, пикнуть от страха не смел. Но теперь, видя, что гроза миновала, парень решил сгладить неловкость. Он мигом подогрел пару кувшинов вина, нарезал сочной варёной говядины и, уложив нехитрый пай в плетёный коробок, всучил его старшему стражнику:

— Малость дорожная, господа хорошие, чисто от нашего заведения! Не побрезгуйте, да и нас в обиду, если что, не давайте.

Ловкий ход пришёлся по душе обеим сторонам — трактирщик одобрительно прищурился, мысленно похвалив расторопного слугу.

Служивый для приличия немного поломался, но гостинец принял. Ступив на порог, он вежливо прижал кулак к ладони, обращаясь к Сунь Цинфэну и Цзинь Линьэру:

— Прошу простить за беспокойство.

И надо же было случиться, что в этот самый миг он случайно скользнул взглядом по собственной ладони и заметил на подушечках пальцев грязный тёмный налёт.

Стражник, натренированный годами сыска, мгновенно заметил эту странность. Стражник резко шагнул обратно к мальчику и с силой провёл пальцем по его щеке. На коже остался светлый след, а на руке служивого — размазанная чернь.

— Это ещё что такое?! — рявкнул он, вперив в Цзинь Линьэра ледяной взор.

Его напарник среагировал мгновенно — с сухим шелестом сталь покинула ножны.

В общем зале воцарилась гробовая тишина. Напряжение сгустилось так, что, казалось, воздух можно было резать ножом.

— Ой, Чэнь, иди скорее сюда! Погляди, какое тут веселье затеялось!

В самый критический момент в дверях появилась девица. Её звонкий голосок мгновенно разрядил зловещее молчание, заставив всех обернуться.

Гостья была прехорошенькая: ладная фигурка в стёганой куртке цвета спелой дыни, на плечи небрежно наброшен белый плащ с пушистой лисьей оторочкой. Этот простой, неброский наряд лишь подчёркивал её утончённую, приковывающую взгляды красоту.

Но была у этой прелестницы одна примечательная особенность — её окутывал удушливый аромат драконьей амбры, напоминавший благоухание цветущего весеннего сада.

Впрочем, запах этот был настолько резок, что вместо восхищения вызывал лишь желание чихнуть. Цзинь Линьэр невольно поморщился:

«И чего все девицы так с ума по этим притиркам сходят? То ли дело наш братец — от него всегда пахнет простым чистым мылом».

Следом за благоухающей девицей в трактир ввалился молодой мужчина.

Он был облачён в добротное дорожное платье цвета бледного нефрита и ладен собой, точно молодой бамбук. Тонкое изящество его облика, однако, сейчас изрядно портила огромная гора

свёртков и коробок в руках. Покупки закрывали его лицо едва ли не до самых бровей, так что бедолаге приходилось вытягивать шею, чтобы хоть как-то видеть дорогу.

Кое-как доковыляв до ближайшего свободного стола, парень с глухим стуком свалил туда свою ношу, утёр обильный пот со лба и измученно вздохнул:

— Дева Фу, побойтесь неба, давайте на сегодня закончим. Нужно перевести дух, иначе завтра у меня просто ноги отнимутся.

Вновь прибывшими оказались старые знакомцы Цзинь Линьэра — хитроумная лисица-оборотень Фу Цинчжи и тысячник Бюро по поимке демонов Чэнь Юньцин.

Обрадованный Цзинь Линьэр уже набрал в грудь воздуха, чтобы окликнуть их, но Фу Цинчжи опередила его. Покачивая бёдрами, она лёгкой, грациозной походкой подошла к стражникам, бесцеремонно выудила из пальцев их вожака розыскной лист и прищурилась, переводя взгляд с бумаги на мальчика:

— Батюшки! Да он ведь вылитый разбойник с этой картинки! Ну-ка признавайтесь, малец, ты у нас кто — беглый каторжник или нечисть лесная?

Чэнь Юньцин, только успевший сделать глоток из оставленного на столе чужого чайника, от неожиданности поперхнулся и брызнул во все стороны водой. Позабыв о всяком приличии, он подлетел к сообщнице и дёрнул её за рукав:

— Дева Фу! Оставьте шутки, не мешайте почтенным стражникам исполнять долг!

Заметив, как упрямо нахмурилась Фу Цинчжи, он понял, что лисица вознамерилась вволю поразвлечься. Чэнь Юньцин сделал ещё шаг вперёд и зашептал ей на самое ухо:

— Умоляю, пощадите. Мой кошель уже пуст.

Стоило Фу Цинчжи услышать, что её бездонный денежный мешок истощился, как на её прелестном личике отразилось такое неподдельное горе, будто у неё разом отобрали всё самое дорогое.

Она театрально вскрикнула, прижав ладошку к губам, и поспешно всучила указ обратно опешившему вожаку патруля. При этом её пальцы словно невзначай рассыпали в воздухе едва заметную золотистую пыльцу.

— Ах, простите глупую! — защебетала лиса, строя глазки. — Издали показалось — он, а пригляделась — ничего общего! Обозналась, почтенные господа, право слово, обозналась. Не казните за дерзость!

Сунь Цинфэна от этого притворства аж передёрнуло, и он поспешно отвёл глаза, делая вид, что крайне заинтересован трещиной на потолочной балке.

Меж тем стражники, невольно вдохнув поднявшееся в воздух облачко сияющей пыли, заметно обмякли. Их взгляды сделались туманными и бессмысленными.

Одурманенный вожак патруля, замороженный её чарующим, плывущим взором, окончательно потерял нить разговора и напрочь забыл, зачем вообще тянулся к лицу мальчишки с размазанными красками.

<http://bllate.org/book/18425/1823437>